

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. С. Мартьянов

Мартьянов Виктор Сергеевич — аспирант Института философии и права УрО РАН.

Власть не существует сама по себе. Это не природный, не естественный (точнее даже «сверхъестественный») феномен социального, в отличие от насилия. Властное отношение возникает в различных системах общественных коммуникаций, в человеческих отношениях и представлениях, собственно говоря, посредством господства над ними и попыток их нормативной регуляции. На наш взгляд, власть в современном обществе все активнее начинает опираться на силу коллективного представления о себе, работать с массовыми настроениями и ожиданиями. Сама реальность, с одной стороны, и формальные полномочия власти, с другой, отходят при этом на второй план. В связи с подобной трансформацией власть начинает принадлежать тому, кто создает, контролирует либо наделяет всеобщим смыслом существующие символические системы: язык, миф, религию, науку, политику, экономику и т.д. Последние, как укоренившиеся типы социальной практики, в своем привычном виде легитимируются именно силой коллективной веры в них, а власть над этой верой обуславливается господствующим положением в разнообразных формах коммуникативного взаимодействия и обмена. Это положение заставляет функционировать социальные практики в рамках систем ценностей и моделей, которые предопределены властным интересом. Власть символическая — это, прежде всего, власть над системами символов, опосредующими отношения человека с внутренним и внешним миром. Это — пронизывающий социальное пространство микроуровень власти, вторгающийся на нерелективный уровень в сознание, определяющий не только ценности и представления, которые руководят человеком и социальными группами в их выборе, но и сами парадигмы этого выбора, симулирующего свободу.

Власть в рамках науки о власти, т. е. политологии, обычно понимается как механизм; ее нормативные определения, как правило, исходят из жесткого

противопоставления субъекта и объекта, а ее суть обычно понимается как право субъекта на легитимное насилие (Вебер), либо способность заставить объект делать что-либо вопреки его воле (Даль). Конечно, политические формы власти, связанные с бюрократическими аппаратами, формальными полномочиями, высшими местами в иерархиях общественных институтов и авторитетом традиций остаются. Однако реальная субстанция власти в информационном обществе все чаще выходит за пределы институтов, законов и должностных функций, концентрируясь в коммуникативных актах, информационном обмене и языке. Эта власть проникает повсюду и исходит из таких сфер, куда никогда не смогла бы проникнуть власть, основанная на угрозе, запрете, страхе и дисциплинарной практике, подчиняющая в силу некоей потенциальной репрессии, прекрасно сознаваемой реципиентами как нечто внешнее по отношению к ним. Иными словами, ясно узнаваемый источник власти, ее субъект облегчает в случае необходимости сопротивление ей. Власть здесь «играет в открытую», и человеку ясны правила игры и знакомы те субъекты власти, с коими он будет иметь дело в случае неподчинения.

Ситуация меняется, когда власть становится символической, одновременно невидимой (неясен субъект власти) и всеохватывающей. Из угрозы, некоего однозначного приказа она превращается во «влияние» и «манипулирование», исходящее из самых разных источников и непосредственно «включающее» индивида в постоянно действующее, хотя зачастую и не ощущаемое им, поле власти, непрерывно довлеющее над ним. Методы воздействия символической власти связаны не с угрозой легитимного насилия и запретами, воздействием по принципу «стимул-реакция» и даже — не с сознательным убеждением, но — с незаметным внушением, которое интериоризирует властный дискурс непосредственно в сознание человека таким образом, что происходит отождествление собственных убеждений с инкорпорированными властными требованиями без сколь-нибудь ощутимого внешнего давления. Требования власти отождествляются с требованиями естественности и здравого смысла. Любой протест, таким образом, вынуждено принимает форму парадокса, т.е., того, что противоречит доксе, общественному мнению.

Окружающий мир становится лишь полем символического текста, ключ к толкованию которого находится в руках власти. Именно в этом пункте символическая власть принципиально отличается от идеологической формы власти, стремящейся к вневременной формализации образа мира в жестких универсальных концептах, не обладающих потенциалом адаптации к меняющимся социально-историческим условиям, когда расхождение с реальностью становится столь очевидно, что ведет к тотальному отрицанию «ложного» концепта. Образ мира, связанный с амбивалентной логикой символической власти, имманентен и интерпретативен, т.е. главной ценностью выступает способность власти к эффективному преодолению постоянно возникающих противоречий

между социальной реальностью и описывающими ее идейными конструкциями.

Формы утверждения символической власти в информационном обществе различны. Генетически она трансформируется прежде всего из символического обмена путем его отмены, невозможности возврата дара (товара, сообщения, денег, ценностей) и последующей зависимостью от дарителя. Власть здесь представляет своего рода закупорку путей свободного дарообмена и коммуникации.¹ Возникает система «некоммуникации», когда «сообщать» может только властный субъект обмена, остальным остается лишь «принимать к сведению», не имея сколь-нибудь значимой обратной связи и механизмов верификации. Такова ситуация в СМИ, где символическая власть связана с посредничеством в коммуникационных процессах и фигурой интерпретатора.

Символическая власть порождается как инвариант из господства над языком как праформой любой коммуникационной модели. В этом контексте мы рассматриваем язык в предельно обобщенном его значении, как матрицу, изначальную прасистему символического характера, которая обуславливает саму суть человеческого мышления, его содержания, формы, а, следовательно, и природу всех продуцируемых им концептов и мыслительных привычек. Например, такие исследователи, как Р. Барт² и М. Фуко³ вообще сводят власть к языку, отождествляя данные понятия. Язык действительно имеет властную суть, так как господство над языком, то есть установление языковых значений, понятий, норм, по сути, является господством над мышлением человека, его априорной системой ценностей и самой картиной мира, складывающейся в его сознании.

Право определять язык, то есть устанавливая некую ценностную модель языка как объективную и естественную, и право говорить всегда выступали как извечные атрибуты власти. Язык предполагает коммуникацию, в процессе которой складываются властные иерархии ценностей и отношений. Язык определяет способы мышления и картины мира, он властен над нами, поэтому с его помощью могут осуществляться самые тотальные и эффективные методы социального контроля, столь ярко описанные Кассирером⁴ и антиутопистами. Язык позволяет воздействовать на глубинные структуры человеческой личности, на базовые представления о мире, меняя их в интересах власти. В конечном итоге, «выражая свои мысли словами, над которыми они не властны, влагая их в исторические формы, исторические изменения которых от них ускользают, люди полагают, что их речь им повинует, не ведая о том, что они сами подчиняются ее требованиям».⁵

Символическая власть все активнее начинает определять жизнь современных обществ. Формы символической власти постепенно начинают превалировать над традицией структурных идеологий, опиравшихся на универсальный концепт рациональности. Эффективность влияния символических форм власти обуславливается, прежде всего, развитием масс-медиа, изменением статуса информации и языка. Это власть, гнездящаяся в механизмах символического обмена, в информационных потоках, в языковых значениях и коммуникационном опосредовании.

Информация, став главной формой

символической власти, основным носителем которой являются модели «некоммуникации», перестает быть только сообщением: транслируемая каналами СМИ, она превращается в носитель всевозможных вторичных смыслов, оформляющих властный дискурс. Суть символической власти заключена в обладании эксклюзивной и недоступной для широких слоев населения информацией как знанием полной картины мира, обеспечивающей контроль и превосходство. События становятся символическими маркерами, поводом расставить идеологические акценты и оценки. Символическость отождествляется с реальной значимостью, картину мира формирует контроль отбора.

Власть символов усиливается в связи с тем, что современный человек, вынужденный перерабатывать огромные объемы информации, получает большинство своих знаний о событиях и предметах, не сталкиваясь с ними напрямую в своем непосредственном жизненном мире. Поэтому он попадает в зависимость от фигуры интерпретатора — посредника, который, в свою очередь, использует свое исключительное положение, транслируя попутно с информацией «вторичные семиологические системы» (Барт) и «симулякры» (Бодрийяр), то есть представления и мифы, формирующие символическую коллективную реальность. Искусственно конструируемые символические системы становятся «реальностью первого порядка», что влечет за собой революцию средств символической власти, связанных с оформлением образа мира. Виртуальная гиперреальность становится той моделью, с которой лепится реальность повседневности. Соответственно, имеет место тенденция вытеснения идеологических знаков власти, основанных на связке означаемое-означающее, символами власти, не предполагающими жесткой детерминированности культурных содержаний своими референтами. Символическая власть оперирует фрагментами и контекстами, открепленными от порядка универсального, связанными с множественностью смысла и интерпретацией, что облегчает управление картиной мира здесь и сейчас.

1 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть М.: Добросвет, 2000, с. 44-48

2 Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989, с. 547

3 Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996, с. 117-119

4 Кассирер Э. Техника современных политических мифов. // Вестник МГУ, 1990, □2

5 Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1994, с. 322